

УДК-321

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-48-59

EDN: HNMQXB

РЕГИОНЫ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ В МНОГОУРОВНЕВОЙ ПОЛИТИКЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ

П. В. Панов

Панов Петр Вячеславович,

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, Пермь,
Российская Федерация.

Аннотация

Современным государствам свойственна тенденция к гомогенизации политического пространства. В многоуровневых взаимодействиях между центром и административно-территориальными единицами первого субнационального уровня (регионами) это выражается, в частности, в том, что регионы одной страны обычно обладают одинаковым политико-административным статусом. Тем не менее в мире обнаруживаются десятки регионов, имеющих особый статус. В данной статье предпринята попытка определить это понятие, оценить его эмпирическое наполнение, а также предложить подходы к типологизации и многомерной классификации регионов с особым статусом. Поскольку типология упорядочивает объекты на основе сущностных характеристик, применительно к регионам с особым статусом ее логично выстраивать на происхождении особого статуса. Соответственно, выделяются шесть типов: этнические, исторические, географические, экономические, столичные и заморские регионы. Классификации регионов с особым статусом могут основываться на самых разных свойствах-переменных, по которым они обнаруживают вариативность. Для устранения корреляции между ними и создания комплексной многомерной классификации использован факторный анализ, по результатам которого выявлены четыре измерения, которые задают пространство вариативности регионов с особым статусом: политико-институциональное, политико-субъектное, этнокультурное и природно-географическое.

Ключевые слова: многоуровневая политика; административно-территориальное деление; регионы; особый статус; классификация; типология; факторный анализ

Для цитирования: Панов, П. В. (2026) 'Регионы с особым статусом в многоуровневой политике: классификация и типология', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 48–59. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-48-59

Финансовая поддержка: исследование выполнено в рамках государственного задания (тема № 124021400020-6 «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения»).

REGIONS WITH SPECIAL STATUS IN MULTI-LEVEL POLITICS: CLASSIFICATION AND TYPOLOGY

P. V. Panov

Petr V. Panov,

Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS, Perm, Russian Federation.

Abstract

Modern states tend to homogenize their political space. In the multi-level interactions between the center and the administrative-territorial units of the first subnational level (regions), this is reflected, in particular, in the fact that regions within a single country typically enjoy identical political-administrative status. However, dozens of regions with special status have been identified worldwide. This article attempts to define this concept, assess its empirical content, and propose approaches to the typology and multidimensional classification of regions with special status. Since typology organizes objects on the basis of essential characteristics, it seems to be correct to build it on the origin of special status. Consequently, six types of region with special status have been identified: ethnic, historical, geographic, economic, metropolitan, and overseas regions. Classifications of regions with special status can be based on a wide variety of variable properties, along which they exhibit variability. To eliminate the correlation between them and create a general multidimensional classification, factor analysis was used, the results of which revealed four dimensions that define the space of variability of regions with a special status: political-institutional, political-subjective, ethnocultural and natural-geographical.

Keywords: multi-level politics; administrative-territorial division; regions; special status; classification; typology; factor analysis

For citation: Panov, P. V. (2026) 'Regions with special status in multi-level politics: classification and typology', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 48–59. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-48-59

Funding: the study was carried out within the framework of the State assignment № 124021400020-6, "Multi-level politics in contemporary world: institutional and socio-cultural dimensions".

Введение

Для государств как политий эпохи модерна характерна тенденция к *гомогенизации* политического пространства (Rokkan, 1973; Brubaker, 1998). Это проявляется в самых разных сферах, в том числе в многоуровневой политике, где со стороны центральной власти (центра) наблюдается стремление создать унифицированное административно-территориальное деление (АТД). С точки зрения «сетки» АТД это выражается в тенденции к *унификации* размера административно-территориальных единиц (АТЕ)¹, а в плане взаимоотношений центра с субнациональными АТЕ – в стремлении к *симметричности*, то есть единообразной системе организации многоуровневых взаимодействий, в том числе с точки зрения распределения властных полномочий, формирования органов власти на субнациональном уровне и т.д.² В «идеальном мире гомогенизации» все АТЕ на каждом уровне имели бы одинаковый размер; в них были бы одинаково устроенные органы власти, обладающие одинаковыми полномочиями, а объем этих полномочий определяется бы тем, на каком уровне наиболее эффективно производить различные общественные блага.

В реальности в любом государстве политическое пространство остается в той или иной мере гетерогенным. Даже если бы размеры АТЕ можно было полностью унифицировать, они все равно различались бы по другим характеристикам – природным, ресурсным, социокультурным и т.д. Более того, само определение сетки АТД, то есть границ между АТЕ, находится под воздействием именно этих

¹ Классическим примером является Франция, где во время Великой революции в 1790 г. были созданы 83 примерно одинаковых по размерам департаментов (Hooghe, Marks, 2016: 72).

² Это фундаментально отличает современные государства (states) от такой формы политий, как, например, империи, где, напротив, наблюдается дифференциация в отношениях с разными территориальными единицами и нередко используется *indirect rule* – косвенная система управления (Мелешкина, 2013).

факторов: географических, исторических, этнокультурных, экономических (Окунев, 2019: 405), а на установление границ влияет не только позиция центра, но и наличие субнациональных сообществ, обладающих интенсивной территориальной идентичностью, которые стремятся к тому, чтобы конституировать «свою» территорию (независимо от ее размеров) в качестве отдельной АТЕ. Таким образом, сетка АТД – результат многоуровневых взаимодействий политических акторов, имеющих разные интересы и предпочтения. Вследствие этого в подавляющем большинстве государств субнациональные АТЕ значительно различаются и по размеру, и по самым разным специфическим характеристикам (географическим, историческим, экономическим, социокультурным и политическим).

Что касается тенденции к симметричности в отношениях между центром и субнациональными АТЕ, она выражается прежде всего в унификации *статуса* АТЕ, и в этом отношении гомогенизация зашла значительно дальше. Как отмечает Р.Ф. Туровский, в современном мире «наиболее распространенные... варианты связаны с единообразным и однородным форматом АТД... [когда] государство делится на определенное число АТЕ, которые имеют одинаковое название и идентичный статус» (Туровский, 2006: 116). Действительно, в подавляющем большинстве современных государств обнаруживается некий стандартный статус, которым обладает как минимум большинство АТЕ соответствующего уровня. Тем не менее немало случаев, когда некоторые АТЕ отклоняются от этого стандарта, то есть имеют *особый статус*. В значительной мере это вызвано тем, что, поскольку вопрос о взаимоотношениях между центром и субнациональными АТЕ связан с распределением полномочий, ресурсов, степенью самоуправления, он явно приобретает политическое значение, вследствие чего на его решение влияет соотношение сил между центром и субнациональными сообществами или их элитами, а оно сильно варьируется.

Данная работа ограничивается АТЕ первого субнационального уровня (далее – регионы³). Ее цель состоит в том, чтобы систематически проанализировать регионы с особым статусом: более точно определить это понятие, оценить его эмпирическое наполнение (объем), вариативность и предложить подходы к типологизации и многомерной классификации регионов с особым статусом.

Регионы с особым статусом: понятие и вариации

Много ли в современном мире регионов с особым статусом? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего определить понятие «статус региона» как АТЕ. Здесь возможны разные точки зрения, которые отличаются нюансами и не противоречат, а дополняют друг друга. Согласно первой логике, статус понимается как властные полномочия регионов: «В эмпирической реальности статус существует в виде конкретного набора предпочтений, прав и полномочий самоуправления и участия в принятии решений. Из этого следует, что статус может быть разным... статус может быть прежде всего больше или меньше (объем статуса), а также может быть по-разному реализован (качество реализации статуса)» (Сулимов, 2017а: 34). Если вести речь только об объеме статуса (качество его реализации – это чрезвычайно важный, но отдельный вопрос), следует в первую очередь определить некий «стандарт», то есть регионы с обычным для данной страны статусом, и, опираясь на это, выделить те регионы, которые от него отклоняются. Они могут иметь повышенный объем полномочий (Квебек в Канаде) или пониженный (Галапагос в Эквадоре), да и степень отклонений может быть разной⁴. Кроме того, для некоторых стран, возможно, имеет смысл выделять не один, а несколько стандартных статусов, как, например, в Индии, где на первом субнациональном уровне 28 штатов и 8 союзных территорий, и в каждой из этих двух категорий есть регионы с особым статусом, то есть отклоняющиеся от «своего стандарта».

Отдельно следует выделить регионы с особым статусом, которые не имеют рядоположенных АТЕ. Это возможно в двух случаях: 1) регион создается на части территории страны «поверх» стандартных для АТД данной страны АТЕ первого субнационального уровня (Иракский Курдистан, Занзибар в Танзании, Минданао на Филиппинах, Воеводина в Сербии и т.д.); 2) часть территории государства обладает политико-административной целостностью, а другие ее лишены (Тобаго в Тринидаде и Тобаго, Родригес в Маврикии, а в Великобритании сразу три территории: Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия). Для таких регионов сравнивать полномочия с неким «стандартом» невозможно в силу его отсутствия, так что эти регионы по определению являются регионами с особым статусом.

³ Подробнее о сложностях в определении политико-административных регионов см. (Панов, 2025: 13–14).

⁴ Согласно этой логике, Р.Ф. Туровский, например, выделяет такие варианты регионов с особым статусом, как автономные регионы (повышенный политический статус), регионы с пониженным статусом и регионы под жестким централизованным контролем («с особым порядком управления») (Туровский, 2006: 116–122).

Несколько иная логика прослеживается в таком авторитетном проекте, как Regional Authority Index (RAI), где аккумулирована информация о субрегиональных органах власти в 96 странах (в настоящее время это наиболее масштабная по охвату база данных)⁵. Авторы проекта разделяют все субнациональные АТЕ с точки зрения их статуса на четыре категории: стандартные и три варианта АТЕ с особым статусом – асимметричные, автономные и зависимые. При этом, кроме властных полномочий, RAI учитывает такой критерий, как место региона в общенациональной конституционной системе. Статус асимметричных АТЕ регулируется универсальными конституционными нормами, но они имеют повышенные полномочия, а автономные и зависимые АТЕ выведены за рамки общенациональной конституционной структуры, и их полномочия определяются в двусторонних взаимодействиях с центром специальными актами. Различие между зависимыми и автономными, однако, в том, что зависимые регионы управляются из центра, тогда как автономные обладают самоуправлением, хотя объем полномочий при этом не имеет принципиального значения (Hooghe, Marks, 2016: 102).

Такая категоризация приводит, например, к тому, что провинция Квебек в Канаде оказывается «всего лишь» асимметричным регионом, а территории (Нунавут, Юкон, Северо-Западные), которые по сравнению со стандартными провинциями имеют меньше самоуправления, – автономными регионами. В Испании автономными оказываются Сеута и Мелилья, а Каталония, Наварра и другие регионы – всего лишь асимметричными. Терминологически это выглядит несколько контринтуитивно, но концептуально в качестве критерия выделения регионов с особым статусом система правового регулирования представляется целесообразной, так как в некоторых случаях (Каракалпакстан в Узбекистане, Горно-Бадахшанская автономная область в Таджикистане и др.) регион, имея стандартный объем полномочий, действительно отличается от других именно по месту в конституционной системе.

Таким образом, при определении понятия «регион с особым статусом» представляется целесообразным использовать оба критерия (объем властных полномочий и место в системе правового регулирования) в качестве *атрибутов* – концептообразующих признаков, которые комплементарно являются константами для всех эмпирических единиц, соответствующих понятию «регион с особым статусом». При этом константы – это специфика по сравнению с неким стандартом, то есть особенность / девиация как таковая. Но девиации могут быть в разных направлениях и в разной степени, соответственно, направления девиации и степень девиации являются уже не атрибутами, а переменными – *свойствами*, которые у разных регионов с особым статусом могут принимать разные значения; и на основе этих свойств регионы с особым статусом можно классифицировать.

Опираясь на атрибуты, можно приблизиться к ответу на вопрос, много ли в современном мире регионов с особым статусом. Так, за 2018 г. (последний, закодированный в проекте) RAI определяет в качестве нестандартных 124 региона в 45 странах. Если учесть, что всего в странах, включенных в RAI, насчитывается примерно 1600 АТЕ регионального уровня (Панов, 2025: 17–18), доля регионов с особым статусом составляет не более 8 % от их общего количества. В большинстве стран вообще нет регионов с особым статусом. Правда, в Бельгии и Испании с точки зрения RAI все регионы являются нестандартными.

Вариативность регионов с особым статусом: классификации и типология

Далее представляется важным уточнить вопрос о соотношении регионов с особым статусом с другими разновидностями особых регионов. Их можно выделять по самым разным основаниям. Особое внимание в литературе уделяется столичным, заморским регионам, а в исследованиях политико-территориальных конфликтов важное место занимает изучение таких феноменов, как *de-facto states*, *failed states*, непризнанные / частично признанные государства и т.д. Российские исследователи весьма удачно концептуализировали всю совокупность этих взаимно пересекающихся явлений как неконтролируемые территории: «Под неконтролируемой территорией мы будем понимать часть государственной территории страны, где центральные власти не способны или не хотят полноценно осуществлять силовой и иные виды контроля, а также участвовать в создании и распределении политических благ» (Себенцов, Колосов, 2012: 38). В некоторых случаях (Аджария, Приднестровье и др.) неконтролируемая территория формально признается центром как имеющая особый статус, однако представляется, что было бы большой натяжкой ставить такие случаи в один ряд с «обычными» регионами с особым статусом, то есть более корректно вывести их за рамки этого понятия.

⁵ Regional Authority [online]. Available at: <https://garymarks.web.unc.edu/regional-authority/> (accessed: 05.02.2026).

Что касается столичных регионов, их выделение связано с политико-административным статусом АТЕ, однако в данном случае речь идет о совсем другом понимании категории «статус»: не властные полномочия, а наличие в составе региона столицы государства. Столичные регионы могут быть регионами с особым статусом, но отнюдь не всегда и совсем не обязательно (Туровский, 2006: 122). Примечательно, что в RAI только 27 из 96 столиц закодированы как регионы с особым статусом. Таким образом, столичный статус как таковой не является атрибутом концепта «регионы с особым статусом», но может быть дихотомическим *свойством-переменной* для регионов с особым статусом, и, в отличие от неконтролируемых территорий, нет оснований исключать столичные регионы из понятия «регионы с особым статусом».

Отдельный интерес представляют регионы, которые концептуализируются как заморские территории, или зависимые территории. Заморские территории – это владения бывших колониальных (но не континентальных) империй или их наследников, то есть в прошлом это были «заморские» колонии, отделенные от метрополии морями-океанами. В условиях деколонизации XX в. большинство из них стали независимыми государствами, но некоторые остались в составе / под контролем бывшей метрополии⁶. Их статус, однако, варьируется как минимум по двум параметрам: инкорпорированность, то есть степень интеграции территории в административно-территориальную структуру страны, и организованность – степень самоуправляемости территории (Окунев, 2019: 280–281). Инкорпорированные организованные заморские территории могут иметь стандартный статус, как, например, 5 из 13 заморских территорий Франции (Гвиана, Гваделупа, Мартиника, Майотта и Реюньон), а могут быть и регионами с особым статусом (французские Новая Каледония, Полинезия и др., Мадейра и Азор в Португалии, Сеута и Мелилья в Испании и т.д.). Неинкорпорированные организованные заморские территории, такие как Гренландия и Фареры в Дании, constituent countries Нидерландов (Аруба, Кюрасао и Синт-Мартен) и другие официально не интегрированы в АТД государства. Неорганизованные территории находятся под прямым управлением властей бывшей метрополии, а большинство из них даже не имеют постоянного населения.

Зависимые территории (dependent territories, или dependent areas, dependencies, иногда external territories) – термин, используемый в Международном стандарте ISO 3166 для обозначения территорий, которые не являются суверенными государствами, но в политическом отношении *выделены* из структуры АТД контролирующего их государства. В настоящее время ISO 3166 включает 52 зависимых территории. Поскольку большинство заморских территорий относятся к категории неинкорпорированных, то есть не интегрированных в АТД государства, неудивительно, что списки зависимых и заморских территорий в существенной степени пересекаются, и, вероятно, по этой причине данные понятия нередко используются как синонимы, хотя это не вполне корректно, так как основания для их выделения все-таки различаются: первые – бывшие колонии, оставшиеся под контролем бывшей метрополии; вторые – территории, выделенные из структуры АТД контролирующего их государства⁷.

Так или иначе заморские территории, несомненно, важная разновидность особых регионов, но, поскольку некоторые заморские регионы имеют стандартный статус, «заморскость», как и столичность, является не *атрибутом* концепта «регионы с особым статусом», а *свойством-переменной*. Кроме того, учитывая, что неинкорпорированные заморские территории вообще «выведены из состава территории государства» (Окунев, 2019: 281), возникает вопрос: можно ли все заморские регионы относить к субнациональным АТЕ? Возможно, оптимальным вариантом в данном случае, как это сделано в RAI, является исключение из категории регионов с особым статусом тех, которые по своему статусу являются неинкорпорированными территориями⁸.

Разумеется, наряду со столичностью и «заморскостью», регионы с особым статусом имеют множество характеристик – *свойств-переменных*, характерных для любых регионов, и на основании этих свойств их также можно классифицировать. Наиболее значимыми представляются такие параметры, как размеры региона, его географическое положение, наличие природных ресурсов, уровень социально-экономического развития, социокультурная специфика, историческая специфика, особенности политико-институционального устройства, специфика политических процессов.

⁶ В таком понимании «заморские территории» есть у девяти стран: Франции, Великобритании, США, Нидерландов, Дании, Испании, Португалии, Австралии и Новой Зеландии (две последние можно рассматривать как «наследников» Британской империи).

⁷ В этой логике в перечне ISO 3166 не должны присутствовать инкорпорированные заморские территории, однако частично они там есть, в том числе все пять французских заморских регионов со стандартным статусом.

⁸ Правда, в RAI это сделано не вполне последовательно: в базе данных есть Фареры и Гренландия, а также Пуэрто-Рико.

Три последних параметра заслуживают отдельного пояснения. Разумеется, каждый регион имеет свою историю, но в данном случае речь идет о политико-административной исторической специфике региона, соотношении с другими регионами страны. Одни регионы в прошлом были самостоятельными государственными образованиями, и это, безусловно, накладывает отпечаток на их идентичность (Шотландия, Королевство Наварра у басков, Джокьякарта в Индонезии и т.д.). Другие регионы (Воеводина, Квебек и т.д.) исторически входили в иное государство / империю, вследствие чего в той или иной мере у них сложились специфические политические традиции и практики. Для некоторых регионов ключевое значение имеют исторические события, связанные с обретением особого статуса, в том числе связанные с внешней политикой (Аланды, Южный Тироль, Гонконг и Макао). Вместе с тем следует подчеркнуть, что регионы с особым статусом могут и не иметь ярко выраженной исторической специфики (индейские автономии в Панаме, территории в Канаде и т.д.), и, наоборот, ее могут иметь и регионы без особого статуса (Истрия в Хорватии, Силезия в Польше и т.д.).

Политико-институциональное устройство в регионе можно рассматривать в соотношении как с общенациональными органами власти, так и с органами власти других рядоположенных регионов прежде всего по таким критериям, как система правления и способ формирования органов власти (в том числе избирательная система). Регионы с особым статусом часто имеют политико-институциональную специфику, но отнюдь не всегда. В индонезийском Ачехе, в Сараваке и Сабахе в Малайзии, в китайских автономных регионах, к примеру, и избирательная система, и система правления точно такие же, как в «стандартных» регионах, да и на национальном уровне. С другой стороны, нетрудно обнаружить (особенно в федерациях) вполне стандартные с точки зрения статуса регионы, которые имеют специфику в системе органов власти.

Что касается специфики политических процессов, операционально это проявляется через наличие и политическую значимость региональных политических партий, а также индекс своеобразия (*index of dissimilarity*) партийно-электорального ландшафта региона. В этом случае опять-таки можно обнаружить как регионы с особым статусом, которые практически не отличаются от других территорий страны (Джокьякарта в Индонезии, китайские автономии, Нахичевань в Азербайджане и т.д.), так и такие, где, наоборот, сложилась полностью регионализированная партийная система и национальные партии отсутствуют (Фареры, Гренландия, Аланды, Квебек, Иракский Курдистан и т.д.). С другой стороны, в мире немало случаев, когда и в стандартных по статусу регионах наблюдается высокая специфика политического процесса, достаточно назвать «красные» и «синие» штаты в США, некоторые земли Германии.

Таким образом, можно предложить две группы характеристик (*свойств-переменных*), по которым различаются регионы с особым статусом и которые могут быть основаниями для их классификации. Первая группа – характеристики, вытекающие из концептообразующих признаков – атрибутов, то есть «*собственные свойства*» регионов с особым статусом. Они связаны с атрибутами, но фиксируют их переменные свойства (степень выраженности). Во-первых, направленность и степень девиации в объеме полномочий. По направленности девиаций регионы могут классифицироваться дихотомически, а по степени отклонений – разделяться на несколько классов. Во-вторых, место регионов с особым статусом в конституционной системе. При этом два варианта из трех, предложенных в RAI (автономные и зависимые регионы), различаются как раз направленностью девиации в полномочиях и тем самым поглощаются этим критерием, соответственно, остается дихотомическая классификация: наличие либо отсутствие особого конституционного регулирования. Правда, в дальнейшем первый вариант (наличие) можно дифференцировать на подклассы по более детальным критериям.

Вторая группа характеристик, значительно большая по количеству, – те обозначенные выше «*общие для всех регионов свойства*», включая столичность, размер и другие параметры, по которым могут быть классифицированы любые регионы, а не только регионы с особым статусом.

Все это, однако, относится к вопросу классификации. Но что именно может быть положено в основу типологии регионов с особым статусом? Как и классификация, типология представляет собой метод упорядочивания объектов, но специфика типологии в том, что она объединяет объекты в «типы» на основе качественных, сущностных характеристик, создавая идеализированные (идеально-типические) модели. Поскольку речь идет о регионах с особым статусом, представляется, что ключевое значение для типологии имеет вопрос, на чем именно базируется особый статус, то есть его происхождение (*origin*), фундаментальные основания (*foundations*).

Как отмечает Р.Ф. Туровский, основанием для особого статуса чаще всего является этнокультурная, а также историческая, природная и географическая специфика региона и их сочетание (Туровский, 2006: 116). Это вполне справедливо, но не исчерпывает все возможные варианты. Наряду

с этнокультурной, исторической и природно-географической спецификой основаниями для наличия у региона особого статуса могут быть столичность, а также то, что это заморский регион, то есть бывшая колония, которая после деколонизации осталась в составе бывшей метрополии на условиях предоставления ей как АТЕ особого статуса. Реже встречается и такой вариант, когда особый статус – следствие исключительной экономической специфики региона.

Таким образом, можно выделить шесть типов регионов с особым статусом по их происхождению (см. примеры в табл. 1). Эмпирически регионов, которые явно относятся к одному из этих типов, не так много; значительно чаще конкретные регионы занимают промежуточное место в данной типологии. Однако для типологизации это представляется вполне нормальным, поскольку она предполагает выделение идеальных типов, а не упорядочение всех эмпирических наблюдений.

Нетрудно заметить, что все шесть типов являются и основаниями для соответствующих классификаций регионов с особым статусом, но если в классификациях это *свойства-переменные*, то есть критерии для выделения классов, то в типологии это *типы*, тогда как критерием (основанием для типологии) является происхождение особого статуса. При этом далеко не все критерии классификаций корреспондируют с типами. Трудно представить, к примеру, чтобы основанием для получения регионам особого статуса была специфика политических процессов в регионе; как правило, как раз наоборот, она является следствием особого статуса.

Следует также уточнить, что, если по социокультурной специфике регион с особым статусом классифицируется как этнический, это совсем не значит, что он будет этническим с точки зрения типологии, так как основанием для надления его особым статусом может быть не этничность, а что-то иное, как, например, на Занзибаре в Танзании. То же самое можно сказать по поводу географических (по классификации) регионов (Пуэрто-Рико, Северная Ирландия), да и по другим параметрам.

Таблица 1 / Table 1

**Типология регионов с особым статусом с примерами /
Typology of Regions with Special Status (examples)**

Этнические	Исторические	Географические	Экономические	Столичные	Заморские
Нагаленд Мизорам Гагаузия Курдистан	Гонконг Воеводина Джокьякарта Занзибар	Барбуда Невис Принсипи Галапагос	Кальяо	Вашингтон Джакарта Исламабад Канберра	Аруба Кюрасао Сеута Мелилья

Многомерная классификации: факторный анализ

Как показано выше, классификации регионов с особым статусом можно строить по самым разным критериям. Кроме того, для каждого из них можно использовать различные индикаторы, что еще больше увеличивает возможное количество классификаций. В каждой из них регионам с особым статусом присваивается некая категория (принадлежность к конкретному классу) на основании значений соответствующей переменной. Множественность классификаций сама по себе вполне нормальна, но непригодна для создания комплексной многомерной классификации, и не только потому, что получается слишком много измерений, но и вследствие того, что значения переменных могут коррелировать, и это вызывает подозрение, что они описывают одно и то же явление.

Для решения этой проблемы и тем самым создания многомерной классификации регионов с особым статусом используется факторный анализ. Он позволяет уменьшить количество оснований для классификации так, чтобы выделить некие латентные характеристики регионов (факторы), каждая из которых охватывает сразу несколько оснований для классификации. Такие характеристики должны хорошо объяснять общую дисперсию регионов с особым статусом по всем классификациям, но при этом не коррелировать друг с другом.

За основу при формировании выборки для факторного анализа была взята база данных RAI. Поскольку исследование на данном этапе носит тестовый характер, из 124 регионов с особым статусом, которые есть в RAI, были исключены некоторые особые категории, а именно столичные и заморские регионы, а также те, которые имеют пониженные по сравнению со стандартом властные

полномочия⁹. С другой стороны, поскольку RAI охватывает только половину стран мира, выборка регионов с особым статусом была дополнена 12 случаями, которые в RAI отсутствуют¹⁰. Таким образом, выборка состоит из 54 регионов с особым статусом. На основе изложенных выше подходов к их классификации сконструированы 12 индикаторов, охватывающие 9 характеристик, по которым различаются регионы с особым статусом и которые могут быть основаниями для их классификации¹¹ (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Свойства-переменные для различных классификаций, индикаторы и источники данных /
Property Variables for Various Classifications, Indicators and Data Sources**

Переменные	Индикаторы	Источники данных
Степень девиации в объеме полномочий (auth_RAI_degree)	Отклонение значений от стандартного региона по шкале от 0 до 2: нет отклонения = 0; отклонение менее, чем на 10 пп. = 1; отклонение на 10 пп. и более = 2	RAI, в случае отсутствия региона в RAI закодировано самостоятельно
Место в конституционной системе (status_RAI)	Дихотомически: статус региона регулируется универсальными конституционными нормами = 0; регион выведен за рамки конституционной системы = 1	RAI, в случае отсутствия региона в RAI закодировано самостоятельно
Размеры региона (share_pop)	Доля региона в населении страны (в процентах)	United Nations Trade and Development Data Hub ¹² и City Population Project ¹³
Географическое положение (isolated_region)	Дихотомически: географическая изолированность региона (острова, эксклавы) = 1; нет = 0	Закодировано самостоятельно по картам
Наличие природных ресурсов (oil_gas_region)	Дихотомически: наличие на территории региона нефти / газа = 1; нет = 0	Global Energy Monitor ¹⁴
Социокультурная специфика (ethnic_share) (lang_rel_spec)	Доля наиболее значимого этнического меньшинства в населении региона – ранговый показатель: регион неэтнический = 0; доля до 10 % = 1; до 20 % = 2 и т.д.	IR-SDM Dataset ¹⁵
Социокультурная специфика (ethnic_share) (lang_rel_spec)	Языковая и религиозная специфика этнического меньшинства (при его наличии) по сравнению с доминирующей в стране этнической группой – агрегированный показатель (от 0 до 4) на основе языковой специфики (0 – нет отличий; 1 – языки относятся к одной языковой семье; 2 – языки принадлежат к разным языковым семьям) и религии (0 – нет отличий; 1 – разные конфессии в рамках одной религии; 2 – разные религии)	IR-SDM Dataset
Историческая специфика (hist_spec)	Дихотомически: существенная историческая специфика (потерянная государственность, вхождение в состав другого государства / империи и т.п.) = 1; нет = 0	Закодировано самостоятельно

⁹ Кроме того, в RAI были внесены некоторые корректировки: исключены регионы Бельгии в силу чрезвычайно специфического АТД, а также те индейские территории, которые находятся за рамками сетки АТД. Из испанских АТЕ первого субнационального уровня в качестве регионов с особым статусом определены не все, как это сделано в RAI, а только четыре автономных сообщества: historical nationalities (Каталония, Галисия, Страна Басков) и chartered community (Наварра). В Индии не все союзные территории определены как регионы с особым статусом, а лишь Пудучерри, которая отклоняется от стандарта союзных территорий.

¹⁰ Перечень регионов с особым статусом формировался по ситуации на начало 2019 г. Соответственно, в него не включены те регионы, которые к этому времени утратили особый статус (Южный Судан, Крым и др.) либо получили его позднее (Насо Тьер Ди в Панаме, Канвон и Чолла-Пукто в Южной Корее).

¹¹ Поскольку из выборки исключены столичные, заморские регионы и регионы с пониженными властными полномочиями, соответствующие характеристики остались за рамками факторного анализа.

¹² URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 05.02.2026).

¹³ URL: <https://www.citypopulation.de/> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁴ URL: <https://globalenergymonitor.org/> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁵ URL: https://identityworld.ru/index/waydinstitutions_rus/0-328#tab5 (дата обращения: 05.02.2026).

Оконч. табл. 2

Переменные	Индикаторы	Источники данных
Особенности политико-институционального устройства (regleg_spec)	Агрегированный показатель (от 0 до 2) на основе специфики избирательной системы на выборах в парламент региона по сравнению с национальным парламентом (дихотомически) и парламентами стандартных регионов (дихотомически)	Закодировано самостоятельно
(regGS_spec)	Агрегированный показатель (от 0 до 2) на основе специфики системы правления региона по сравнению с национальным уровнем (дихотомически) и системами правления в стандартных регионах (дихотомически)	Закодировано самостоятельно
Специфика политических процессов в регионе (party_syst_reg)	Специфика партийной системы в регионе – порядковая шкала от 0 (нет специфики) до 6 (полностью регионализованная партийная система)	Закодировано самостоятельно
(SDM_reg)	Наличие в регионе значимого движения за самоопределение (регионалистского или сепаратистского) – порядковая шкала: движение отсутствует = 0; движение есть, но не создает сильной угрозы территориальной целостности государства = 1; имеет место сильная угроза территориальной целостности государства = 2	IR-SDM Dataset

Факторный анализ был применен в варианте метода главных компонент с подпрограммой поворота осей varimax. Результаты представлены в табл. 3. Для проверки пригодности данных применялись критерий Кайзера-Мейера-Олкина (значение коэффициента составило 0,617) и критерий сферичности Бартлетта (значимость = 0,000).

Таблица 3 / Table 3

Вес факторов и факторные нагрузки свойств-переменных различных классификаций регионов с особым статусом / Factor Weights and Factor Loadings of Property Variables in Various Classifications of Special-Status Regions

	Компонента 1	Компонента 2	Компонента 3	Компонента 4
Вес фактора	25,10	16,39	15,94	11,79
	Факторные нагрузки			
regleg_spec	0,898			
regGS_spec	0,884			
auth_RAI_degree	0,772			
status_RAI	0,665			0,541
party_syst_reg		0,699		
SDM_reg		0,676		
hist_spec		0,668		
share_pop		0,668		
ethnic_share			0,891	
lang_rel_spec			0,830	
isolated_region				0,799
oil_gas_region				0,613

Примечание. Общая доля объясняемых вариаций – 69 %. Факторные нагрузки менее 0,4 не показаны в таблице. Вращение сошлось за четыре итерации.

Результаты факторного анализа показывают, что самые разные свойства, по которым обнаруживается вариативность регионов с особым статусом, можно свести к четырем измерениям. Это

позволяет предложить четырехмерную классификацию регионов с особым статусом. В табл. 4 представлены регионы с наибольшими и наименьшими значениями факторных оценок.

Таблица 4 / Table 4

**Регионы с особым статусом в четырехмерном пространстве /
Regions with Special Status in Four-Dimensional Space**

Факторные оценки	Измерения (компоненты)			
	Политико-институциональное	Политико-субъектное	Этнокультурное	Природно-географическое
Наибольшие значения факторных оценок	Гонконг Макао Бугенвиль Родригес СААР-Никарагуа	Невис Квебек Курдистан Каталония Шотландия	Нагаленд Папуа Бугенвиль Минданао Курдистан	Папуа Сабах Саравак Тобаго Сицилия
Наименьшие значения факторных оценок	Внутренняя Монголия Синьцзян АР Гуанси-Чжуан АР Галисия Нинся-Хуэй АР	Эмбера-Воунаан Гуна-Яла Ротума Чеджу Нинся-Хуэй АР	Аджария Нахичевань Воеводина Джоджикарта Невис	Каталония Квебек Джамму и Кашмир Галисия Страна Басков

Наибольший вес имеет первая компонента, она объясняет более четверти общей дисперсии значений регионов с особым статусом по всем проанализированным основаниям. Примечательно, что в нее входят не только «собственные свойства» регионов с особым статусом (объем полномочий и место в конституционной системе), но и свойства, отражающие специфику их политико-институционального устройства. Следовательно, можно утверждать, что последние в значительной мере зависят от характеристик особого статуса. Все эти свойства относятся к институциональным характеристикам, так что первое измерение в многомерной классификации регионов с особым статусом – политико-институциональное.

Наивысшие факторные оценки по этому измерению имеют китайские специальные административные районы Гонконг и Макао, и это объясняется известной историей их возвращения в состав Китая на условиях принципа «одна страна, две системы». Институционально они действительно обладают высокой спецификой. Примечательно, что другие китайские регионы с особым статусом – этнические автономные регионы – напротив, имеют самые низкие значения факторных оценок по этому измерению.

Вторая компонента объясняет более 16 % общей дисперсии. Она состоит из таких характеристик, как размер региона (доля в населении страны), историческая специфика и специфика политического процесса в регионе, которая проявляется в значимости региональных политических партий и движений за самоопределение (регионалистских и сепаратистских). Несмотря на кажущееся различие этих параметров, все они связаны с ресурсами (структурными, символическими и организационными), которыми обладают региональные акторы. Именно наличие и объем таких ресурсов позволяют региональным акторам осуществлять политическую мобилизацию, отстаивать и продвигать свои интересы во взаимоотношениях с центром. В целом это придает региону с особым статусом политическую субъектность во взаимодействиях с центром, в том числе по поводу конституирования, воспроизводства и возможного изменения собственного статуса¹⁶. Соответственно, второе измерение можно обозначить как политическую субъектность.

Среди регионов с наименьшим значением факторных оценок по данному фактору мы снова видим Нинся-Хуэй, но это скорее исключение, так как другие китайские автономии демонстрируют довольно средние значения по этому показателю. В целом факторный анализ показывает, и это представляется важным, что формальные политико-институциональные характеристики регионов с особым статусом и их свойства, связанные с политической субъектностью, на общей выборке не коррелируют. Вполне ожидаемо, что самые высокие значения факторных оценок по политической субъектности у

¹⁶ Как отмечает К.А. Сулимов, определяя политическую субъектность этнических региональных автономий (ЭРА), «субъектность – это не “природное” состояние или качество, которое может быть измерено по шкале больше – меньше... Она не может быть сведена к объему власти и полномочий. Автономия – это соуправление суверенитетом как конститутивной властью. Соответственно, субъектность ЭРА – это участие в принятии решений по поводу статуса автономии» (Сулимов, 2017б: 62). Очевидно, такое понимание политической субъектности в полной мере применимо и к регионам с особым статусом.

Каталонии, Шотландии, Квебека, Курдистана и Невиса, то есть у регионов, известных своим стремлением к повышению собственного политического статуса, вплоть до проведения референдумов о независимости. При этом факторные оценки по политико-институциональному измерению у всех этих регионов отнюдь не самые высокие.

Два последних по факторному весу компонента вполне ожидаемы. Третий включает переменные, связанные с этническим составом населения региона: наличие этнического меньшинства, включая его долю в населении, а также степень отличия от основного населения страны по языку и религии. Таким образом, это компонент задает этнокультурное измерение. Природно-географические характеристики регионов – последний по значимости компонент, однако его факторный вес составляет около 12 %, что ненамного меньше предыдущих компонентов, так что четвертое измерение многомерной классификации – природно-географическое – также имеет существенное значение.

Заключение

Несмотря на присущую современным государствам тенденцию к гомогенизации политического пространства, которая, в частности, проявляется в унификации взаимоотношений между центральной властью и отдельными административно-территориальными единицами, сохраняется немало регионов, обладающих особым статусом по сравнению с другими рядоположенными АТЕ. Они отличаются прежде всего объемом властных полномочий и местом в конституционно-правовой системе государства. Эти признаки можно рассматривать в качестве комплементарных атрибутов понятия «регион с особым статусом».

Между тем исследование регионов с особым статусом показывает чрезвычайно высокую вариативность по самым разным характеристикам, которые, будучи свойствами-переменными, дают основание для различных классификаций. Факторный анализ, однако, позволяет уменьшить количество классифицирующих оснований и сформировать комплексную многомерную классификацию по четырем измерениям, которые задают пространство вариативности регионов с особым статусом: политико-институциональное, политико-субъектное, этнокультурное и природно-географическое. При этом анализ показал, что свойства, отражающие специфику политико-институционального устройства регионов с особым статусом, оказываются в одном измерении с характеристиками особого статуса как такового (объем полномочий и место в конституционной системе), то есть это взаимосвязанные параметры. А то обстоятельство, что политико-институциональные и политико-субъектные характеристики регионов оказались разными измерениями, означает, что регионы с политико-институциональной спецификой и большим объемом полномочий совсем не обязательно ведут себя как политические субъекты во взаимодействиях с центральной властью, и наоборот. Казалось бы, это можно объяснить тем, что стимулов к субъектной активности больше как раз у тех регионов, которым есть куда стремиться в плане повышения своего статуса, а у регионов, уже имеющих более высокий статус, таких стимулов меньше. Однако отсутствие корреляции между этими измерениями, показывает, что это нельзя рассматривать как общую тенденцию.

Типология, как и классификация, представляет собой метод упорядочивания объектов, но специфика типологии в том, что она объединяет объекты в типы на основе сущностных характеристик. Поскольку речь идет о регионах с особым статусом, представляется, что ключевое значение для типологии имеет вопрос, на чем именно базируется особый статус, то есть его истоки, происхождение. На этом основании предлагается выделить шесть типов регионов с особым статусом: этнические, исторические, географические, экономические, столичные, а также заморские – владения бывших колониальных империй, которые после деколонизации остались в составе бывших метрополий. Все эти типы могут быть и основаниями для соответствующих классификаций регионов с особым статусом, но если в классификациях это критерии для выделения классов, то в типологии они типы, тогда как критерием (основанием для типологии) является происхождение особого статуса.

Список литературы / References

- Мелешкина, Е. Ю. (2013) 'Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций', *Политическая наука*, 3, сс. 10–29. [Meleshkina, E. Yu. (2013) 'Post-imperial spaces: Peculiarities of state and nation-building', *Political science (RU)*, 3, pp. 10–29. (In Russ.)].
- Окунев, И. Ю. (2019) *Политическая география*. М.: Аспект Пресс. [Okunev, I. Yu. *Political Geography*. Moscow: Aspect Press Publishing House (In Russ.)].

- Панов, П. В. (2025) 'Национальные и региональные элиты в поисках компромисса? Реформирование регионального административно-территориального деления как проблема многоуровневой политики', *Власть и элиты*, 1, сс. 7–37. [Panov, P. V. (2025) 'National and regional elites in search of a compromise? Reforming regional administrative-territorial division as a problem of multilevel politics', *Power and elites*, 1, pp. 7–37. (In Russ.)]. DOI: 10.31119/pe.2025.12.1.1
- Себенцов, А. Б., Колосов, В. А. (2012) 'Феномен неконтролируемых территорий в современном мире', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 31–46. [Sebentsov, A. B., Kolosov, V. A. (2012) 'The Phenomenon of Uncontrolled Territories in the Modern World', *Polis. Political Studies*, 2, pp. 31–46. (In Russ.)]
- Сулимов, К. А. (2017a) 'Баланс versus дисбаланс вокруг этнических региональных автономий', *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), сс. 31–58. [Sulimov, K. A. (2017a) 'Balance versus imbalance around ethnic regional autonomies', *Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomies, State Integrity, and Ethnic Minority Rights*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, pp. 31–58. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А. (2017б) 'Вариации политической субъектности этнических региональных автономий', *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), сс. 59–71. [Sulimov, K. A. (2017б) 'Variations in the political subjectivity of ethnic regional autonomies', *Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomies, State Integrity, and Ethnic Minority Rights*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, pp. 59–71. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2006) *Политическая регионалистика*. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. [Turovsky, R. F. *Political regional studies*. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics (In Russ.)].
- Brubaker, R. (1998) 'Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism', *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 272–306.
- Hooghe, L., Marks, G. (2016) *Community, scale, and regional governance: A postfunctionalist theory of governance*, vol. 2. Oxford: Oxford University Press.
- Rokkan, S. (1973) 'Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development', *Building states and nations: Models and data resources*, vol. 1. London: Sage, pp. 73–91.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: [0000-0002-0759-7618](https://orcid.org/0000-0002-0759-7618)).

Information about author

Petr V. Panov, Doctor of Sciences (in Politics), Chief Researcher, Department for the Study of Political Institutions and Processes.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: [0000-0002-0759-7618](https://orcid.org/0000-0002-0759-7618)).